

КНИГА 1

ПЛАХА ДЛЯ ВОРОНА

KIRILL KIRONEI

Плаха для Ворона

<https://litres.ru/74687949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был тенью рода Грозных. Бастард, пёс на цепи, живое оружие без имени и отчества. Двадцать семь лет верности, крови и предательств - и в награду плаха и кривой меч палача.

В последний миг, когда сталь уже коснулась шеи, Ратибор, прозванный Вороном, услышал карканье вещей птицы. И умер с одной мыслью: «Если бы мне дали второй шанс, я бы сжёг этот род дотла».

Он открыл глаза в собственном младенческом теле. 27 лет назад. В день своего рождения. С памятью о каждом ударе, каждом унижении и каждом предательстве. С холодной яростью взрослого воина, запертой в беспомощной плоти новорождённого.

Теперь он знает всё наперёд. Кто предаст. Кто ударит в спину. Кто улыбнётся, глядя на его труп. Но его возвращение уже изменило прошлое - древняя Пестунья с жёлтыми глазами видит в нём не младенца, а чужака. Сводный брат Добромир, будущий убийца, в эту ночь едва не погибает от лозового жгута. Время пошло по новой колее.

Ворон умеет ждать. Он будет расти, притворяться, копить силу и знания...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Гла	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Плаха для Ворона

Глава 1

Снег в тот день пах железом.

Не свежестью, не морозной хрусткой чистотой, а именно железом — кисловатым, тяжелым духом оружейной стали, который въедается в нёбо и застревает в горле. Так пахнет кровь, когда она застывает на морозе, смешиваясь с грязью и ржавчиной. Так пахнет предательство.

Подворье рода **Грозových** было полно народу, но тишина стояла такая, что слышно было, как скрипит снег под сапогами дружинников, переминающихся с ноги на ногу. Терем — огромный, рубленый из вековых сосен, с высоким крыльцом, украшенным коньками и причелинами, вырезанными ещё прадедом нынешнего боярина, — нависал над площадью мрачной громадой. Его окна, затянутые бычьим пузырём, смотрели на происходящее слепо и равнодушно, словно глаза мертвеца.

На коленях в грязном снегу стоял человек.

Звали его **Ратибор**. Имени отца ему не полагалось — бабстард, прижитый от полонянки-степнячки, взятой в набеге и умершей родами, не имел права носить отчество. Иногда его называли Ратибором Грозовым, но чаще — просто **Вороном**. За чёрные, как смоль, волосы, доставшиеся от мате-

ри, за привычку появляться неслышно и уходить, не прощаясь, за то, что после него на поле боя оставались только трупы и вороньё.

Ему было двадцать семь лет. Двадцать семь лет он служил этому дому. Не как сын, не как родич — как пёс, которого спускают с цепи, когда нужно загрызть врага, а потом пинком загоняют обратно в конуру. Он выполнял самые грязные поручения боярина **Велимира Грозового**, своего отца. Он убивал его недругов, запугивал его должников, вынюхивал измены среди своих же. Он был тенью, от которой шарахались даже свои. И за всё это ему платили объедками с боярского стола и презрительными взглядами.

А теперь платили плахой.

Ратибор поднял голову. Морозный воздух обжигал разбитые губы, но он почти не чувствовал боли. Его взгляд упёрся в крыльцо, где на резном стуле, укутанный в соболью шубу, восседал боярин Велимир. Грузный, с окладистой бородой, в которой уже серебрилась седина, он смотрел на сына без гнева, без сожаления — с тем особым выражением сытого равнодушия, какое бывает у человека, глядящего на забитую скотину. Рядом с ним стоял **Добромир** — старший, законный, любимый сын. Его губы кривила улыбка, которую он даже не пытался скрыть.

Именно Добромир принёс отцу «доказательства» того, что Ратибор вёл тайные переговоры с родом **Вьюжных**, извечными соперниками Грозовых. Подмётное письмо, най-

денное в голубятне бастарда. Пара подкупленных холопов, готовых подтвердить что угодно за лишнюю чарку. Показания выжившего из ума конюха, который и собственное имя-то помнил через раз. Этого хватило. Для бастарда много не требовалось — бастард всегда виноват уже тем, что дышит.

— Ратибор, холопского корня, — голос глашатая сорвался на фальцет. Парень явно боялся, что казнённый придёт к нему с того света. — За измену роду, за сговор с Вьюжными, за наведение порчи на законного наследника Добромира Велимировича... приговаривается к отсечению головы.

В толпе безмолвствовали. Челядь, дружинники, боярские дети, приживалки — все смотрели на коленопреклонённого Ратибора с тем особым выражением, которое он хорошо знал. Страх пополам с облегчением. Каждый думал об одном: «Хорошо, что не я». Они боялись его при жизни и радовались его смерти — обычное дело для того, кто служит господину вернее, чем родные дети.

— Батюшка, — произнёс Ратибор, и его голос, сорванный криком на дыбе, прозвучал глухо, словно из-под земли. — Я служил тебе верой и правдой. Двадцать семь лет. Я убивал за тебя врагов, я визнавал для тебя тайны, я был твоим мечом и твоим щитом. За что?

Велимир поморщился. Не от слов — от того, что бастард вообще посмел открыть рот. Это было неприлично. Казни-мый должен молчать и принимать смерть с покорностью. Таков закон.

— Заткнись, щенок, — лениво бросил боярин. — Служил? Ты жрал мой хлеб и спал под моей крышей. Довольно с тебя. Скажи спасибо, что не на кол посадил.

Ратибор опустил глаза. Не от смирения — от бессильной ярости, которая душила его изнутри, как удавка. Двадцать семь лет. Двадцать семь лет он верил, что однажды отец признает его. Что его верность, его кровь, пролитая за этот дом, будут оценены. Что он станет не просто Вороном, клюющим падаль, а полноправным сыном. Глупец. Бастард всегда останется бастардом. Собака, как бы хорошо она ни служила, никогда не сядет за хозяйский стол.

Он вспомнил мать. Вернее, попытался вспомнить. Её лицо стёрлось из памяти ещё в детстве, остался только запах — горьковатый, сухой, степной. Запах полыни. Иногда, в минуты смертельной усталости, ему казалось, что он чувствует его снова. Может, это была память крови. А может — просто бред человека, у которого никогда не было ничего своего, кроме этого запаха.

Палач — здоровенный мужик с лицом, закрытым рядом, чтобы духи казнённого не узнали его и не отомстили, — подошёл сзади. В руках он держал не топор, а тяжёлый меч с широким лезвием, отливающим синевой. Род Грозовых вёл своё происхождение от варяжских ярлов, и по древнему обычаю воинов казнили только клинком — чтобы кровь ушла в землю, а не застоялась в теле, порождая упырей. Палач положил тяжёлую ладонь на затылок Ратибора, пригибая его

к плахе. Дерево было липким от замёрзшей крови прежних казнённых — за последний год боярин Велимир избавился от многих неугодных.

«Вот и всё, — подумал Ратибор. — Как глупо. Как уни-
зительно глупо».

Он не боялся смерти. Он видел её слишком часто, чтобы испытывать перед ней трепет. Смерть — это просто конец работы. Но умирать, зная, что твои убийцы будут сегодня же вечером пить мёд и смеяться над твоим трупом... Это жгло сильнее любого огня, сильнее любой пытки, которую он перенёс на дыбе. Он представил, как Добромир поднимет чару за «очищение рода от скверны». Как боярин Велимир кивнёт и прикажет выбросить тело бастарда в ров на съедение псам. Как всё останется по-прежнему, только одним Вороном станет меньше.

Меч пошёл вверх.

Ратибор зажмурился.

В этот миг он услышал звук, который не слышал никто другой. Резкое, хриплое карканье. Ворон. Где-то над крышей терема, в серой пелене снегопада, птица издала короткий, отрывистый крик. И Ратибор вдруг понял: это не просто птица. Это знак. Его знак.

«Я больше не буду слугой, — пронеслось в голове за долю мгновения до удара. — Если бы мне дали второй шанс... Я бы разорвал их всех. Всех до единого. Я бы стал не Вороном, клюющим падаль, а бурей, сметающей всё на своём пути. Я

бы отнял у них всё, что они любят. Я бы заставил их молить о смерти».

Тяжёлое лезвие обрушилось вниз.

Мир раскололся на осколки боли и хлынул чернотой.

Боль вернулась.

Но не та — режущая, стальная, обрывающая жизнь в одно мгновение. А другая: тупая, давящая, разлитая по всему телу, словно его долго мяли в огромной ступе, а потом попытались расправить, как скомканную тряпку. Каждая косточка ныла, каждый мускул горел, а кожа казалась чужой, натянутой наспех и кое-как.

Ратибор попытался открыть глаза. Это оказалось невероятно трудно — веки налились свинцом, а свет, пробивавшийся сквозь них, резал, будто осколки битой глиняной посуды. Он зажмурился сильнее, потом попробовал снова. На этот раз удалось разлепить веки на узкую щёлочку.

Мир был размытым, нечётким, словно он смотрел на него сквозь мутную воду. Какие-то тени двигались, что-то гудело, где-то рядом раздавались голоса — низкие, грудные, неразборчивые. Он попытался пошевелиться и с ужасом понял, что не может. Тело не слушалось. Руки и ноги — крошечные, слабые, чужие — болтались сами по себе, как у тряпичной куклы. Он попытался закричать, позвать на помощь, спросить, что происходит.

Из горла вырвался лишь тонкий, жалобный писк.

Младенческий писк.

Ратибора захлестнула волна ледяного, животного ужаса. Он забился, задёргался, пытаясь вырваться из этого чужого, беспомощного тела, но сил не было — мышцы не слушались, движения были хаотичными, бессмысленными. Он чувствовал себя мухой, попавшей в паутину: чем больше дёргаешься, тем сильнее запутываешься.

— Ну-ну, тише, горластый, — раздался над ним грубый женский голос. — Ишь, разорался. Крепкий будет, сразу видеть. Весь в батюшку.

Ратибора подняли. Чьи-то огромные, шершавые ладони обхватили его под мышки, и мир качнулся, поплыл перед глазами. Он вдруг осознал чудовищную, невероятную вещь: его держат. Как младенца. Потому что он и есть младенец.

Паника захлестнула его с головой, лишая остатков разума. Он заорал — вернее, заорало его новое тело, издавая пронзительный, требовательный крик, от которого у него самого закладывало уши. Женщина — повитуха, догадался он, — засмеялась хриплым, прокуренным смехом и передала его кому-то другому.

— Принимай, боярин, сына. Бастарда, правда, да кровь-то твоя, горячая. Девка-полонянка померла, царствие ей небесное, а этот выжил. Живучий.

Ратибора положили на что-то твёрдое и холодное. Он затих, пытаясь осмыслить происходящее, унять бешено колотящееся сердце. Над ним нависло лицо — молодое, бородатое, с тяжёлым взглядом из-под густых, сросшихся на пере-

носице бровей. Велимир Грозовой. Но не тот, старый и грузный, с сединой в бороде и брюхом, нависающим над поясом. Молодой, лет тридцати, с чёрной как смоль бородой без единого серебряного волоса, с хищным, резким профилем и глазами цвета грозового неба. Он смотрел на младенца без тени отцовской нежности — оценивающе, холодно, как на породистого щенка, которого можно вырастить в хорошую боевую собаку.

— Живучий, — произнёс он наконец. Голос у молодого Велимира был низкий, с хрипотцой, привыкший отдавать приказы. — Девка померла, а этот выжил. Ладно. Окрестим Ратибором. Может, сгодится на что. Рать бороть — имя подходящее.

Велимир отвернулся и ушёл, даже не взглянув на младенца ещё раз. Его шаги — тяжёлые, уверенные — прогрохотали по половицам и стихли где-то в глубине терема. Ратибор остался лежать, глядя в закопчённый потолок, на котором плясали тени от пламени свечи. В голове у него медленно, со скрипом, словно несмазанное колесо телеги, ворочалась мысль, которая не укладывалась в сознании: он вернулся. Не в сказку, не в бред сумасшедшего, не в предсмертную галлюцинацию — он действительно вернулся на сорок лет назад, в день своего рождения. Всё, что было потом: унижения, служба, чужие войны, плаха — всё это ещё впереди. Или уже нет?

Он попытался сосредоточиться, уложить мысли в строй-

ный ряд. Память о прошлой жизни была при нём — яркая, детальная, болезненно чёткая, будто свежая рана, которую ещё не успели прижечь. Он помнил каждый удар, каждое предательство, каждое лицо. Помнил, как Добромир подставил его, подбросив письмо в голубятню. Помнил, как боярин Велимир равнодушно кивнул палачу, даже не выслушав оправданий. Помнил холод стали на затылке и карканье ворона в вышине.

И помнил свою клятву. Ту, что дал за мгновение до смерти.

«Я разорву их всех. Я отниму у них всё. Я стану бурей».

В нём закипала ярость — не детская, не капризная, не та, что вспыхивает и гаснет через минуту. Это была холодная, расчётливая злоба взрослого человека, который знает, что у него впереди целая жизнь, чтобы отомстить. Но вместе с яростью пришло и понимание собственной беспомощности, от которого хотелось выть. Сейчас он — комок плоти, incapable даже перевернуться на бок. Его может убить что угодно: сквозняк, голод, неосторожное движение пьяной повитухи, болезнь, от которой мрут младенцы в этих суровых краях. Прежде чем мстить, нужно выжить. Вырасти. Стать сильным. Заново пройти весь путь — от беспомощного крикуна до воина, которого боялись даже бывалые дружинники.

И никто не должен заподозрить, что в теле младенца живёт разум взрослого мужчины.

Это было самым трудным. Ратибор заставлял себя плакать, когда хотелось молчать. Заставлял себя сосать грудь кормилицы — молодой, дородной бабы с вечно сонным лицом, — хотя это казалось унижительным до скрежета зубов. Он учился быть ребёнком: беспомощным, ничего не понимающим, живущим только инстинктами. И одновременно, в те редкие минуты, когда оставался один в колыбели, он прокручивал в памяти всё, что знал о доме Грозовых. Слабые места. Тайные ходы. Характеры слуг. Привычки будущих врагов. Кто с кем спит, кто кому должен, кто на кого держит зуб.

Он ждал. Ждал, как хищник в засаде.

Первое испытание пришло раньше, чем он ожидал. На вторую ночь после рождения.

В доме Грозовых существовал древний обычай, о котором Ратибор знал с прошлой жизни, но никогда не задумывался, как он пережил его в младенчестве. Обычай этот назывался **«Ночное Пестование»**. Считалось, что род Грозовых ведёт начало от варяжских конунгов, которые поклонялись суровым северным богам и проверяли новорождённых на прочность, оставляя их на ночь в лесу — одного, без защиты, на съедение волкам и духам. Выживет — значит, угоден богам. Умрёт — туда и дорога.

Со временем обычай смягчился, но суть осталась. В первую или вторую ночь после рождения младенца клали в колыбель не с мягкой периной, а с **лозовым жгутом**—

тугим плетением из ивовых прутьев, утыканным мелкими, но острыми шипами. Сверху присыпали сухой травой, чтобы не видно было, но стоило младенцу пошевелиться во сне — шипы впивались в нежную кожу, причиняя боль. Слабый ребёнок начинал ворочаться, кричать, плакать — и тогда в комнату входила **Пестунья**, старая знахарка, хранительница древних обрядов. Она забирала крикуна и уносила его прочь. Куда — не знал никто. Говорили, что относила в лес, в жертву старым богам. Говорили, что топила в проруби. Говорили разное, но одно было ясно: тех, кого забирала Пестунья, больше никто никогда не видел.

А те, кто молчал, кто терпел боль, не издавая ни звука, — те считались достойными носить имя Грозовых. Даже ба-старды.

Ратибор помнил этот обычай. Вернее, помнил, что в прошлой жизни он каким-то чудом пережил «Ночное Пестование». Но подробности стёрлись из памяти — младенческий разум не сохранил их. Теперь же, зная, что его ждёт, он испытывал не страх даже, а холодную, сосредоточенную готовность. Он знал правила игры. И он собирался выиграть.

Ночь опустилась на терем быстро, словно кто-то накрыл его чёрным платком. За окнами завывал ветер, швыряя в слюдяные оконца пригоршни колючего снега. В углу оплывала единственная свеча, и её неровный, дрожащий свет заставлял тени на стенах плясать, извиваться, словно живые. Ратибора, запелёнатого в грубое рядно, пахнущее дымом и

кислой овчиной, положили в деревянную колыбель. Он сразу почувствовал спиной что-то твёрдое, неровное, колючее. Лозовый жгут. Шипы были мелкими, но острыми — он ощущал их даже сквозь ткань пелёнок. Одно неосторожное движение — и они вопьются в кожу.

Рядом, в такой же колыбели, лежал другой ребенок. **Добромир**. Законный сын, рождённый от боярыни Велимиры тремя годами раньше. Будущий любимчик отца. Будущий предатель.

Ратибор слышал его дыхание — ровное, спокойное, безмятежное. Добромир ещё не понимал, что их ждёт. Он спал сном сытого, здорового ребенка, которому ничто не угрожает. Ему не нужно было бояться — он был законным наследником, его, скорее всего, пощадят, даже если он закричит. А вот бастарда — нет.

Время тянулось бесконечно. Ратибор лежал неподвижно, стараясь даже не дышать слишком глубоко, чтобы не надавить на шипы. Мышцы младенческого тела сводило от напряжения, в затылке пульсировала тупая боль, но он терпел. Он знал: одно неосторожное движение — и боль заставит его закричать. А крик здесь означает смерть.

Он думал о том, как странно устроен мир. Там, в прошлой жизни, он убивал людей голыми руками, выдерживал пытки на дыбе, шёл в одиночку против целых отрядов. А сейчас он боится крошечного шипа, который может лишить его всего — будущего, мести, самой жизни. Какая злая ирония.

Где-то за стеной завыл пёс. Вернее, не пёс — **волкодав**, огромный зверь с лохматой серой шерстью и жёлтыми, свещающимися в темноте глазами. Ратибор знал этих псов — их держали на псарне для охоты на медведя и волка, для охраны терема. Голос волкодава звучал тоскливо, жутко, протяжно — словно зверь чуял близкую смерть. Может, и чуял. Говорят, собаки видят то, что скрыто от человеческих глаз.

Вдруг тишину разорвал крик.

Детский, пронзительный, полный боли и ужаса. Кричал Добромир. Он заворочался во сне, накололся на шипы и теперь орал, захлёбываясь собственным плачем. Его крик был таким громким, что, казалось, разбудит весь терем. Ратибор замер ещё сильнее, стараясь даже не дышать. Он знал, что будет дальше.

Дверь распахнулась без скрипа — словно её открыла не человеческая рука, а порыв ветра. На пороге возникла фигура — высокая, сутулая, закутанная в длинный балахон из грубой мешковины. **Пестунья**. Старая знахарка, которую в доме боялись даже больше, чем самого Велимира. Никто не знал, сколько ей лет. Говорили, что она служила ещё прадеду нынешнего боярина. Говорили, что она не человек вовсе, а дух, прикинувшийся старухой. Говорили разное, но правду не знал никто.

Лицо её скрывал глубокий капюшон, но Ратибор заметил, как блеснули в темноте её глаза. Не старушечьи, выцветшие, подслеповатые — яркие, жёлтые, почти звериные, с верти-

кальными зрачками, как у рыси или филина. От неё пахло сухими травами, сырой землёй и чем-то сладковатым, тошнотворным — так пахнет падаль, присыпанная ладаном, чтобы заглушить смрад.

Она подошла к колыбели Добромира. Склонилась. Долго, очень долго смотрела на орущего ребенка. Её костлявая рука с длинными, жёлтыми ногтями потянулась к нему, но замерла в нескольких вершках от лица. Добромир кричал, захлёбываясь, его личико покраснело от натуги, кулачки сжимались и разжимались.

Пестунья выпрямилась и покачала головой.

— Слабый, — прошепелявила она. Голос у неё был сухой, шуршащий, словно осенние листья под ногами. — Кровь кричит. Не жилец.

Ратибор похолодел. В прошлой жизни Добромир выжил. Именно он стал любимым сыном, именно он отправил Ратибора на плаху. Почему теперь всё иначе? Неужели его собственное возвращение изменило ход событий? Или в прошлой жизни Пестунья тоже так сказала, но боярин Велимир настоял на том, чтобы сохранить законного наследника? Он не помнил. Младенческая память не сохранила этих подробностей.

Но Пестунья не взяла Добромира. Она постояла ещё немного, склонив голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, что слышала только она, а потом медленно, очень медленно повернулась к колыбели Ратибора.

Их взгляды встретились.

В этот миг Ратибор понял: **она знает**. Видит. Чувствует. Каким-то неведомым, древним чутьём она ощутила, что в теле младенца живёт не беспомощная душа новорождённого, а сознание взрослого, прошедшего через смерть и вернувшегося обратно. Её жёлтые глаза впились в него, и в них зажёгся странный, пугающий интерес — так смотрит учёный на редкий экспонат, так смотрит охотник на невиданную добычу.

Ратибор лежал не шевелясь, изо всех сил изображая спящего. Он даже дыхание замедлил, насколько это было возможно для младенца. Каждая мышца его тела кричала от напряжения, но он не двигался. Нельзя. Если она поймёт — его убьют сразу же, как одержимого бесами, как подменыша, как нечисть в человеческом обличье.

Пестунья склонилась над его колыбелью. Её лицо оказалось совсем близко — морщинистое, с провалившимися щеками и тонкими, синеватыми губами. Она долго разглядывала его, а потом вдруг улыбнулась. Улыбка была жуткой: беззубый рот растянулся, обнажая чёрные, больные дёсны.

— А ты хитрый, — прошептала она, и её дыхание коснулось лица Ратибора — холодное, пахнущее болотной тиной. — Молчишь. Терпишь. Думаешь, я не вижу?

Сердце Ратибора пропустило удар, а потом забилось где-то в горле. Она знает. Всё знает. Сейчас она позовёт боярина, и тогда...

Но Пестунья ничего не сказала. Она провела костлявым пальцем по его щеке — прикосновение было ледяным, словно у покойника, — и выпрямилась. Её жёлтые глаза блеснули в темноте, и в них мелькнуло что-то похожее на... одобрение? Уважение? Любопытство?

— Ладно, — бросила она в темноту, словно разговаривая с кем-то невидимым. — Этот крепкий. Будет жить. Сталь в нём, не плоть. А того... — она кивнула на Добромира, который уже охрип от крика и теперь только жалобно хныкал, — того покормите маковым отваром. Может, и выживет. Но толку от него не будет. Мягкий.

Она вышла так же бесшумно, как и вошла. Дверь закрылась, даже не скрипнув. Добромир продолжал хныкать, но уже тише, обессиленно. А Ратибор лежал и смотрел в темноту, чувствуя, как по телу разливается холодная, липкая волна страха. Не за себя — за то, что всё пошло не так, как он помнил. В прошлой жизни Добромир не кричал. В прошлой жизни Пестунья не задерживалась у его колыбели и уж точно не говорила с ним. Всё изменилось.

И он понял: это его вина. Его возвращение нарушило равновесие, сорвало какие-то невидимые нити, из которых соткана судьба. Теперь он не просто плывёт по течению памяти, как щепка по реке. Он сам — камень, брошенный в воду, и круги от него расходятся во все стороны, меняя течение. Каждое его действие, каждое решение, даже самое малое, будет менять мир вокруг. И он должен быть готов к то-

му, что прошлое, которое он знает, больше не является надёжной картой. Это лишь примерный чертёж местности, где могут появиться новые горы и новые пропасти.

Утром, когда взошло серое, мутное зимнее солнце и в комнату вошли слуги, Добромир был жив. Его напоили маковым отваром — густой, сладковатой жидкостью, от которой младенцы засыпают мёртвым сном, — и он спал, не просыпаясь, почти целый день. А Ратибора взяли на руки и понесли показывать боярину.

Велимир снова смотрел на него — теперь уже при свете дня. В просторной горнице, обитой медвежьими шкурами, пахло дымом, хвоей и чем-то кисловатым — не то квасом, не то старым потом. Боярин сидел в резном кресле, положив тяжёлые руки на подлокотники, и разглядывал младенца с тем же холодным, оценивающим выражением.

— Выжил, — констатировал он. — Ладно. Растёт пусть. Пригодится.

И отвернулся.

Ратибора унесли обратно в детскую. Он лежал в своей колыбели, смотрел в закопчённый потолок и молчал. Он знал, что пройдут годы, прежде чем он сможет заговорить, прежде чем сможет встать на ноги, прежде чем возьмёт в руки меч. Годы унижений, годы притворства, годы ожидания. Но он умел ждать. Он научился этому там, на плахе, за мгновение до того, как сталь разорвала его плоть.

Ворон не спешит. Ворон знает: падаль никуда не денется.

А он больше не просто Ворон.

Он — буря, которая ещё только собирается на горизонте. И когда она придёт, от дома Грозových не останется даже пепла.

Глава 2

Шли годы, а в тереме Грозových мало что менялось. Зимы сменялись вёснами, вёсны — летами, лета уступали место дождливой осени, но жизнь внутри высокого частокола текла по раз и навсегда заведённому порядку. Всё так же по утрам ревели волкодавы на псарне, требуя кормёжки. Всё так же боярин Велимир восседал во главе дубового стола, обводя домочадцев тяжёлым взглядом исподлобья. Всё так же челядь сновала по двору, выполняя бесконечные поручения, и всё так же на задворках, в грязи и забвении, рос тот, кого звали Вороном.

Ратибору исполнилось пять лет.

Он помнил каждое мгновение этих пяти лет с той же чёткостью, с какой взрослый человек помнит события вчерашнего дня. Помнил, как учился переворачиваться на живот, сжимая зубы от бессильной ярости — тело не слушалось, мышцы были слабы, движения неуклюжи. Помнил, как впервые встал на ноги, цепляясь за край колыбели, и как старая нянька, увидев это, перекрестилась и сплюнула через левое плечо. Помнил первые слова, которые произнёс, старательно коверкая их, чтобы звучало по-детски, а не так, как мог бы сказать взрослый воин. Каждый день был пыткой. Каждый день был тренировкой.

Он жил в постоянном страхе разоблачения. Любой

неосторожный взгляд, любое слишком взрослое движение могли выдать его. Приходилось постоянно контролировать себя, напоминать, что он — ребёнок, несмышлёныш, который только познаёт мир. Когда другие дети — Добромир, а потом и младшие братья, рождённые боярыней в последующие годы, — играли в деревянные мечи и лошадки, Ратибор сидел в стороне, делая вид, что возится с тряпичной куклой. Когда они плакали, ушибив коленку, он тоже должен был плакать. Когда они радовались сладостям, принесённым с боярского стола, он изображал детский восторг, хотя внутри всё кипело от унижения.

Но были и часы, когда он оставался один. И тогда он тренировался.

Не по-детски. По-настоящему.

Стояла глубокая ночь. Терем спал, укутанный тишиной, нарушаемой лишь храпом дружинников в гриднице да редким потрескиванием поленьев в печах. Ратибор лежал в своей постели — узком топчане, застеленном жёсткой рогожей, — и ждал. Он знал распорядок стражи наизусть. Знал, что первый обход происходит сразу после того, как луна поднимется над коньком крыши. Знал, что второй — перед рассветом, когда сон самый крепкий. Между ними было окно в два часа, когда терем принадлежал ему одному.

Дождавшись, пока шаги ночного дозорного стихнут в дальнем конце коридора, Ратибор бесшумно сполз с топчана. Босые ноги привычно нащупали холодные половицы —

он знал каждую скрипучую доску в этой части дома и умел ступать так, чтобы не потревожить ни одну. Тело, ещё по-детски щуплое, двигалось с неестественной для пятилетнего ребёнка грацией. Мышцы, которые он тайно развивал долгими ночами, уже наливались силой — пока ещё детской, но превосходящей возможности сверстников.

Он вышел в коридор. Темнота здесь была кромешной — только где-то впереди, в щели под дверью боярской опочивальни, теплилась слабая полоска света от негасимой лампы. Ратибор двинулся в противоположную сторону, туда, где находилась заброшенная часть терема — старая пристройка, которую не использовали уже много лет. Говорили, что там когда-то жила мать Велимира, старая боярыня, умершая от чёрной немочи. С тех пор эти комнаты обходили стороной, считая их проклятыми.

Именно это и нужно было Ратибору.

Он проскользнул в неприметную дверь, скрытую за гобеленом с выцветшим изображением битвы варягов с неведомым чудовищем, и оказался в маленькой камерке. Здесь пахло пылью, мышами и чем-то сладковатым — не то старым ладаном, не то засушенными травами. Узкое оконце под самым потолком пропускало достаточно лунного света, чтобы различать очертания предметов. Вдоль стен стояли сундуки, покрытые слоем пыли толщиной в палец. Ратибор уже обследовал их в предыдущие ночи — в основном там хранилась старая одежда, истлевшая от времени, да битая посуда.

Но один сундук, стоявший в самом углу, был заперт.

Сегодня он пришёл с инструментом — тонкой железной пластиной, которую стащил в кузне, когда кузнец отвернулся. Ратибор опустился на колени перед сундуком и принялся за работу. Замок был старым, простым, рассчитанным скорее на честность слуг, чем на взломщиков. Пара минут осторожных манипуляций — и крышка с тихим скрипом подавалась.

Внутри лежали книги.

Не церковные фолианты в тяжёлых окладах, что хранились в боярской молельне. Не летописи, которые Велимир иногда листал, хмурия брови. Это были тонкие, потрёпанные рукописи в кожаных переплётках, исписанные мелким, убогим почерком. Ратибор бережно взял одну, поднёс к лунному свету. Буквы были знакомыми — в прошлой жизни он выучился грамоте, хоть и с трудом, уже будучи взрослым, когда понадобилось читать донесения лазутчиков. Но здесь, на этих страницах, текст был другим. Не летописным уставом и не деловой скорописью, а чем-то средним, с вкраплениями странных знаков, похожих на руны.

«Травник и иныя зелииия тайныя», — с трудом разобрал он заголовок на первой странице.

Сердце Ратибора забилося быстрее. Он начал листать страницу за страницей, и чем дальше читал, тем сильнее его охватывало волнение. Здесь было всё: описания ядовитых трав, растущих в окрестных лесах и болотах, способы их сбо-

ра и приготовления, рецепты снадобий — одни исцеляли, другие убивали медленно и незаметно, третьи лишали воли, погружая человека в беспамятство. Имелись и заметки о свойствах зверей, птиц, даже насекомых. А на последних страницах — то, от чего у Ратибора перехватило дыхание: наброски боевых приёмов, рисунки уязвимых точек на теле человека, схемы ударов ножом.

Это была не просто книга. Это был арсенал.

Он понял, чьи это рукописи. Старая боярыня, мать Велимира, слыла ведуньей. За это её и недолюбливали, за это после смерти объявили проклятой и заперли её покои. Но теперь её тайное знание попало в руки тому, кто сумеет им воспользоваться.

Ратибор бережно закрыл сундук, но не запер — теперь он будет приходить сюда каждую ночь. Он взял только одну, самую тонкую тетрадь, чтобы изучать её в безопасности своей каморки. Спрятав её за пазуху, он так же бесшумно покинул запретную комнату и вернулся в постель.

Утро он встретил с чувством, которого не испытывал с момента возрождения. Надежда. У него появилось оружие.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Ратибор жил двойной жизнью. Днём он был тихим, незаметным бастардом, которого челядь почти не замечала, а законные братья дразнили и помыкали, когда им становилось скучно. Он сносил насмешки, подзатыльники, пинки — всё с тем же непроницаемым выражением лица, которое выработал за

годы притворства. Он знал: любая вспышка гнева, любое проявление силы сейчас обернётся против него. Если он покажет, что умеет драться, его заподозрят. Если он ответит обидчику — его накажут. Надо терпеть. Ждать. Копить силы.

Ночами же он превращался в другого человека.

Он изучил «Травник» вдоль и поперёк. Запомнил каждое растение, каждый рецепт. Начал тайно собирать нужные травы во время редких вылазок за пределы терема — под предлогом помощи старому конюху, который иногда брал его с собой на покосы. Конюх, беззубый дед по имени Силантий, был единственным, кто относился к бастарду без презрения. Может, потому, что сам был изгоем — бывшим дружинником, искалеченным в бою и списанным за ненадобностью.

— Ты, паря, не смотри, что они тебя чмырят, — говорил Силантий, жуя травинку и глядя, как Ратибор старательно ворошит сено вилами, которые были выше его роста. — Ворон — птица умная. Она своё время знает. Придёт час — и склюёт всех, кто над ней смеялся.

Ратибор молча кивал, не показывая, насколько точно старик попал в точку. Он уже начал применять свои знания на практике. В укромном уголке леса, куда не заходили даже грибники, он устроил тайник — вырыл яму под корнями старого дуба и хранил там собранные травы, корешки, а также примитивное оружие: заточенную палку, самодельный лук из орешника, несколько камней для метания. Каждую свободную минуту он проводил там, тренируя тело и оттачивая

навыки, которые помнил из прошлой жизни.

Ему нужно было стать сильнее. Намного сильнее. Потому что враги не будут ждать, пока он вырастет.

Главным врагом, как и в прошлой жизни, был Добромир. Старший законный сын Велимира рос капризным, жестоким и — Ратибор замечал это с холодным удовлетворением — слабым. Сказывалось ли «Ночное Пестование», когда его пришлось отпаивать маковым отваром, или просто природа взяла своё, но Добромир часто болел, быстро уставал, а в играх со сверстниками предпочитал не участвовать, а командовать из безопасного далека. Он компенсировал физическую слабость злобой и коварством. Именно он придумывал самые унижительные наказания для слуг, именно он натравливал псов на кошек, именно он с особым удовольствием измывался над бастардом.

В тот день Добромиру было особенно скучно. Он сидел на крыльце в окружении двух своих прихлебателей — сыновей мелких бояр, отданных в дом Грозовых для обучения, — и лениво швырял камешки в кур, копошащихся в пыли. Увидев Ратибора, который нёс ведро воды от колодца к поварне, Добромир оживился.

— Эй, выблядок! — окликнул он. — Подь сюды.

Ратибор остановился. Ведро в его руках было тяжёлым, вода плескалась через край, обливая босые ноги. Он медленно повернулся и подошёл, стараясь, чтобы лицо оставалось бесстрастным.

— Чего тебе, Добромир Велимирович? — спросил он, тщательно выговаривая слова с лёгкой детской картавостью.

Добромир ухмыльнулся. Ему нравилось, когда бастард называл его по отчеству, признавая своё низкое положение.

— Говорят, ты у нас живучий, — протянул он. — Пестунья тебя похвалила. Может, и впрямь в тебе что-то есть? А ну, покажи, какой ты крепкий. Ложись.

Он указал на грязную лужу у подножия крыльца.

— Ложись, говорю. Будем смотреть, как долго ты пролежишь, пока я тебе на спину не наступлю.

Прихлебатели захихикали. Ратибор стоял неподвижно, глядя в глаза Добромиру. Внутри у него всё клокотало от ярости. В прошлой жизни он подчинился бы — лёг бы в грязь, стерпел унижение, потому что так было велено, потому что бастард не смеет перечить законному сыну. Но сейчас, глядя в эти бледные, водянистые глаза, он видел не господина, а будущего покойника. И это придавало сил.

— Нет, — сказал он тихо.

Улыбка сползла с лица Добромира. Он не ожидал отказа. От бастарда? От того, кто всегда был тише воды ниже травы?

— Что ты сказал? — переспросил он, и в его голосе зазвенела угроза.

— Я сказал: нет, — повторил Ратибор так же тихо, но отчётливо. — Я не лягу. Я не пёс тебе.

Добромир побагровел. Он вскочил на ноги, сжав кулаки, и шагнул к Ратибору. Он был выше на голову и тяжелее раза

в полтора — всё-таки разница в возрасте в три года в детстве огромна. Его кулак взметнулся вверх, целя Ратибору в лицо.

И замер в воздухе.

Ратибор перехватил его запястье. Не сильно — сил пятилетнего ребёнка не хватило бы, чтобы удержать восьмилетнего, — но достаточно, чтобы изменить траекторию удара. Одновременно он слегка сместился в сторону, и кулак Добромира рассёк пустоту. Потеряв равновесие, старший брат пошатнулся и, не удержавшись на ногах, рухнул в ту самую лужу, в которую собирался уложить бастарда.

На мгновение повисла тишина. Прихлебатели застыли с открытыми ртами. Добромир сидел в грязи, его дорогой кафтанчик был безнадёжно испорчен, с волос стекала мутная жижа. На его лице отразилась целая гамма чувств: изумление, стыд, а затем — чистая, незамутнённая ярость.

— Ты... Ты... — задохнулся он. — Убью! Убью паскуду!

Он попытался встать, но поскользнулся и снова шлёпнулся в грязь. Его прихлебатели наконец очнулись и бросились к нему, помогая подняться. А Ратибор уже подхватил ведро и быстрым шагом направился к поварне. Он знал, что последствия не заставят себя ждать.

Они и не заставили.

Уже через час его вызвали в боярские палаты. Велимир сидел в своём кресле, мрачный, как грозовая туча. Рядом стоял Добромир, уже переодетый в чистое, но с красными от злости и слёз глазами. Боярыня Велимира, дородная жен-

щина с вечно поджатыми губами, держала сына за плечо и смотрела на Ратибора с откровенной ненавистью.

— Говори, — рявкнул Велимир. — Что учинил?

Ратибор опустил голову, изображая испуг и раскаяние. Он знал: оправдываться бесполезно. Слово законного сына против слова бастарда — это даже не суд, это приговор.

— Виноват, батюшка, — произнёс он дрожащим голосом. — Не удержался. Он меня ударить хотел, я испугался и отшатнулся. А он упал. Я не хотел, чтобы он падал. Прости, Христа ради.

Добромир взвизгнул:

— Врёт! Он меня толкнул! Схватил за руку и толкнул! Прикажи его выпороть, батюшка! До крови!

Велимир перевёл взгляд с одного сына на другого. В его глазах не было ни жалости, ни гнева — только усталость и раздражение. Он не любил разбирать дразги домочадцев, считая это ниже своего достоинства.

— Обоих на конюшню, — бросил он наконец. — Добромиру десять плетей за то, что не смог управиться с младшим. Ратибору — двадцать за то, что поднял руку на старшего. Исполнить немедленно. Пошли вон.

Ратибор поклонился и вышел. На душе у него было странное чувство. Он знал, что порка будет жестокой. Знал, что спина покроется рубцами и будет болеть не одну неделю. Но он также знал, что вытерпит. Он терпел и не такое. А главное — он увидел страх в глазах Добромира. Впервые в жизни за-

конный сын испугался бастарда. И это было только начало.

Порка на конюшне была скорой и безжалостной. Старый конюх Силантий, которому выпало исполнять наказание, хмурился, но боярского приказа послушаться не мог. Ратибор стерпел все двадцать ударов, не издав ни звука. Он только сжимал зубы и смотрел в стену, представляя лица тех, кому однажды оплатит за каждую каплю пролитой крови. Когда экзекуция закончилась, Силантий помог ему добратся до каморки, смазал спину какой-то вонючей мазью и покачал головой.

— Крепкий ты, паря. Другой бы орал благим матом, а ты молчишь. Не по годам молчишь.

Ратибор ничего не ответил. Он лежал на животе, чувствуя, как жжёт исполосованную кожу, и думал. Думал о том, что сегодняшний урок усвоен. Больше он не будет действовать открыто. Не будет давать повода. Он станет тенью, невидимой и неслышимой. А когда придёт время — ударит так, что никто не поймёт, откуда пришла смерть.

Он закрыл глаза и провалился в тяжёлый, беспокойный сон. Ему снился ворон, парящий над бескрайним снежным полем. Снился запах полыни. Снились плаха и холод стали на затылке. И собственный голос, шепчущий в темноте: «Я разорву их всех».

Когда он проснулся, за окном уже серели ранние зимние сумерки. Спина болела, но терпимо. Ратибор осторожно сел, прислушался. Терем гудел обычной вечерней жизнью: где-

то внизу челядь готовила ужин, слышались голоса, звон посуды, лай собак во дворе. Его никто не хватится до утра — бастардом интересовались, только когда он был нужен для работы или для наказания.

Он встал, морщась от боли, накинул на плечи ветхую овчину и вышел в коридор. Нужно было добраться до тайника в лесу. Там, в «Травнике», он видел рецепт мази, которая заживляет раны втрое быстрее обычного. Если он хочет продолжать тренировки, ему нужно исцелиться как можно скорее.

Пробираться через терем было привычным делом. Он уже изучил все ходы и выходы, знал, где стоят стражники и когда они меняются. Через чёрный ход, мимо поварни, где толстая стряпуха гремела горшками, он выбрался во двор. Морозный воздух обжёг лёгкие, но это было даже приятно после спёртой духоты каморки. Ратибор нырнул в тень частокола и двинулся к воротам.

И замер.

У ворот, в неверном свете факелов, стояли трое. Добромир и два его прихлебателя. Они явно поджидали кого-то. Увидев Ратибора, Добромир ослабил.

— А вот и наш герой, — протянул он. — Выполз, значит. Думаешь, я забыл? Думаешь, двадцать плетей — это всё?

Ратибор молчал, оценивая обстановку. Бежать некуда — сзади стена, спереди трое противников. Драться в его состоянии — самоубийство. Но и унижаться снова он не собирался.

ся.

Добромир шагнул вперёд. В руке у него что-то блеснуло — нож. Не игрушечный, а настоящий, из боярской оружейной. Видимо, стащил у кого-то из дружинников.

— Я тебе не просто так спину исполосую, — прошипел он, приближаясь. — Я тебе глаза вырежу. Будешь слепым щенком, пока не сдохнешь. Скажу отцу, что сам упал, на сук напоролся. Мне поверят. Я — наследник. А ты — никто.

Ратибор смотрел на приближающегося брата и чувствовал, как внутри поднимается холодная, спокойная ярость. Не та, что застилает глаза и заставляет бросаться в драку очертя голову. Та, что обостряет чувства и замедляет время. Он видел каждое движение Добромира: вот он переносит вес на правую ногу, вот заносит руку с ножом, вот его глаза, полные злобы и предвкушения, сужаются, выбирая цель.

Время для Ратибора остановилось. Он вспомнил схемы из «Травника» — рисунки уязвимых точек на человеческом теле. Точка под челюстью. Удар туда — и человек теряет сознание. Точка в основании черепа — смерть. Точка в паху — парализующая боль. Много точек.

Он выбрал.

Когда Добромир сделал последний шаг и взмахнул ножом, целя Ратибору в лицо, бастард ушёл в сторону — не отшатнулся, а именно ушёл, скользнув вдоль стены с текучей, змеиной пластикой. Одновременно его правая рука, сложенная в странную фигуру — не кулак, а что-то среднее между

«клювом» и «когтями», — метнулась вперёд и вверх. Удар пришёлся точно в точку под челюстью Добромира, чуть левее кадыка.

Глаза старшего брата закатились. Нож выпал из разжавшейся руки. Он рухнул на землю, как подкошенный сноп.

Прихлебатели застыли, разинув рты. Они не поняли, что произошло. Один миг — и их предводитель лежит без сознания, а бастард стоит, даже не запыхавшись, и смотрит на них странным, недетским взглядом.

— Забирайте его, — сказал Ратибор тихо. — И запомните: если вы кому-нибудь расскажете, что здесь было, я найду вас. И тогда вы уже не проснётесь.

Он говорил это не угрожая, а спокойно, буднично, как говорят о погоде. И от этого спокойствия прихлебателям стало по-настоящему страшно. Они подхватили бесчувственного Добромира под руки и потащили его прочь, даже не оглядываясь.

Ратибор поднял с земли нож, вытер его о снег и сунул за пазуху. Потом, не торопясь, вышел за ворота и направился к лесу. Спина болела, но эта боль теперь казалась ему почти приятной. Он сделал ещё один шаг к своей цели.

Ворон расправлял крылья.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.